

УДК 32.019

Карп Е.И.

Влияние интерактивных мультимедийных систем на процесс формирования альтернативного информационного пространства России

Карп Елена Ивановна, аспирантка, Научно-исследовательский и учебный центр оборонных проблем Академии военных наук
E-mail: elenakarp1tv@mail.ru

В статье рассматриваются особенности современной интернет-коммуникации, обусловленные влиянием интерактивных мультимедийных систем. Показано, как на основе интерактивного диалога формируется альтернативное информационное пространство, где происходят непрерывные периферийные изменения информационной среды, которые могут ускорить процесс социальной трансформации российского общества.

Ключевые слова: интерактивные мультимедийные системы, интернет, альтернативное информационное пространство.

Классические представления об управлении социумом опираются на лебоновские выводы о том, что сила социума не в технических и культурных достижениях, а в идеалах (идеях-догмах) и крепком характере¹. Сильный характер современной российской «гандемократии» олицетворяет премьер-министр России; категория «идеалы» является прерогативой президента РФ. В соответствии с распределением ролей лидеров страны строится сюжетно-тематическая матрица коммуникации «власть – общество» и реализуются классические технологии продвижения информации «в массы». При этом власть использует новые интерактивные медиаресурсы по аналогии с традиционными СМИ – в качестве средства контроля и управления социумом.

Напомним, что формирование «классического» информационного поля – превращение медиатекстов в идеологически ориентированные дискурсы – осуществляется модераторами информации (ньюсмейкерами, официальными представителями, политиками и др. лицами, относящимися к категории «источники») и средствами массовой коммуникации, распространяющими необходимые источнику сведения. Современные же информационные технологии меняют ролевую конфигурацию «модератор – распространитель информации»: наряду с традиционными, занимающими ключевые позиции, источниками информации, производить и распространять медиаконтент может фактически любой пользователь интернета.

Появление на периферии медийного поля новых «игроков» меняет содержание и сам смысл общественно-значимой коммуникации: интерактивные мультимедиа и гражданская интернет-журналистика, которые транслируют иные, во многом отличающиеся от официальных, мнения и оценки событий и явлений, формируют альтернативное информационное пространство. Возможность ведения прямого интерактивного диалога и обмена информацией разрушают традиционные схемы «информирования населения» и снижают эффективность привычных «сверху-вниз» способов утверждения идеалов будущего («поиск Национальной идеи»), отношения к происходящему и осмысления прошлого («проблема фальсификации отечественной истории»).

Характерной чертой современной медиасреды можно назвать и новую социальную масштабируемость: с одной стороны, микросоциальные действия отдельных участников коммуникации могут иметь макросоциальные последствия; с другой стороны, объекты (события, явления, персоналии), «незамеченные» модераторами официального информационного пространства, выводятся за рамки общественно-политического дискурса, независимо от социальной значимости объекта, его роли и месте в жизни российского общества.

¹ Лебон Г. Психология народов и масс [Текст]. М.: АСТ, 2000.

Так, в январе 2010 г. в президентском интернет-блоге было размещено видеообращение президента РФ Дмитрия Медведева о модернизации армии и ее будущем перспективном облике. Сотни комментариев этого обращения, в которых военнослужащие апеллируют непосредственно к Верховному Главнокомандующему Вооруженных Сил страны, характеризуют следующие высказывания: «Ваши реформы в армии – это просто обман и развал армии. МО занимается показухой. Показывают Вам паркетно-показушные части. Уходят лучшие. Коррупция и воровство увеличились в разы.»; «А нужна ли нашему государству армия вообще? Судя по тому беспределу, который творится сейчас в Вооруженных Силах, складывается ощущение, что не нужны офицеры никому абсолютно, а уж их семьи и подавно...»; «Офицеров увольняют, не взирая ни на что, мотивируя это "новым обликом" армии. Зарплаты мизерные, условия быта тоже оставляют желать лучшего. К чему мы придем? Будем содержать наемную армию?»; «Военные пенсионеры – это вообще некому не нужные люди...»; «Больше всего интересно – а Дмитрий Анатольевич всё ЭТО читает?». Ответов президента РФ на комментарии участников интерактивного диалога, также как смыслозначимых общественных дискуссий и/или практических действий власти по обозначенным пользователями интернета проблемам не последовало.

В приведенном примере проявляется еще одна специфическая черта перманентных периферийных изменений современного информационного пространства, которые можно сформулировать следующим образом: актуализированные интенции (текст) власти сопровождают интерактивные комментарии, сообщения, карикатуры и пр. информацию, которая отличается от декларируемой и непосредственно осуществляемой властью социально-политической практики. «Правда жизни» участников интерактивного диалога формирует контекст «официальных текстов». И именно этот контекст, который, как правило, отмечен негативными коннотациями и высокой виртуальной протестной активностью, раскрываются значение и истинный смысл действий власти.

Высоким потенциалом формирования «альтернативного контекста» обладают не только актуализированные властью события, например, «модернизация армии», «оптимизация военной сферы», «приведение ВС РФ к новому облику» и пр., а и дезактуализированные явления, в частности, проблемы «войны и мира». Так, обострение военно-политической ситуации на территории кавказских республик весной 2010 г., послужившее поводом тематического интерактивного опроса пользователей Интернет, выявило следующее: из 7 тысяч человек, принявших участие в голосовании, 80% считают, что на Кавказе разгорается гражданская война; официальное мнение о «завершающем этапе борьбы с террористами» разделило немногим более 10% респондентов².

Как отмечают специалисты индустрии изучения общественного мнения, в оценках респондентов с одной стороны всегда наблюдается большая социальная инертность, с другой – недискретное восприятие жизненных ситуаций. Иными словами, отношение к текущим событиям является проекцией представления о жизни «вообще», которые складываются с учетом ее ретроспективных и перспективных компонентов. При этом, несмотря на значительное влияние «багажа прошлого», общие установки индивидуального и социального оптимизма / пессимизма в восприятии настоящего задают параметры выбираемого / назначаемого будущего³. Но позиционируемое современной российской властью «настоящее» обслуживается образами прошлого, от которых требуется не соответствие исторической «правде», а высокая степень инструментальности. Также и образы будущего: не имея четко артикулированных целей развития общества и способов их достижения, предметная категория «будущее» подменяется беспредметными утопиями политического мифотворчества, которые обслуживаются противоречивыми понятиями и терминами. При этом сам процесс «целеполагания для народа» осуществляется в режиме «ручного управления»: аналогично манипулированию прошлым вариативность устремлений современной российской власти обусловлена «полезностью» будущего и его возможностями кодировать (скрывать) «пустоту настоящего».

Примером такой «криптограммы» служит понятие «модернизация России» – наиболее популярная тема в современном общественно-политическом дискурсе. Отметим, что декларируемая российской властью модернизация относится к «запаздывающему» или «догоняющему» типу; он характеризуется властно-принудительными способами внедрения новаций, ориентацией на успехи более развитых в экономическом плане стран и стремлением добиться схожего успеха путем направленного заимствования определенных социальных форм, в том числе, в сфере военного строительства и создания армии нового типа⁴. Подобная деятельность, как правило, сопровождается агрессивной политической риторикой модераторов инноваций и демонстративно завышенным значением «материального фактора».

В связи с этим, весьма показательными представляются результаты контент-анализа сообщений ведущих российских средств массовой информации первой половины 2010 г. На основе имеющихся данных можно выделить два основных параметра представления министра обороны России А.Э.Сердюкова в современной медиасреде. Первый связан с «президентским контекстом» – показателем совместной упоминаемости политика с президентом, то есть в материалах электронных и печатных СМИ, в которых встречается имя министра оборо-

¹ Высокотехнологичные вооружения и социальное обустройство военных - в основе модернизации армии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://blog.kremlin.ru/post/60?page=2>

² Активные голосования Эхо Москвы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.echo.msk.ru/polls/archive/250.html>

³ Ослон А. Россия в цифрах. Официальное издание. [Текст]. М.: Росстат, 2006.

⁴ Расторгуев С.П. Философия информационной войны. [Текст]. М.: Московский психолого-социальный институт, 2003.

ны, чаще всего есть и имя президента России Д.А.Медведева. Вторым характеризующим деятельность министра обороны РФ признаком в информационном поле является параметр «деньги»: показатель косвенным образом оценивает экономическую активность политического деятеля на основе учетных сообщений СМИ, в которых его имя упоминается в контексте тех или иных денежных сумм¹. Таким образом, понятие «новый облик ВС РФ», контекстуально связанное с Главой военного ведомства, в официальном информационном пространстве моделируется как ряд взаимосвязанных элементов: «министр обороны – президент – деньги».

В тоже время категория «деньги» как парадигмальная основа освещения в СМИ деятельности министра обороны России в интерактивной, отличной от официальной, медиасреде употребляется не столько в контексте «улучшение благодаря увеличению расходов», сколько в контексте «ухудшение из-за экономии средств». То есть концептуальная модель «новый облик Вооруженных Сил России» расслаивается на привлекательный образ, создаваемый военно-политическим руководством страны и его «альтернативную версию», существующую на периферии официального информационного поля. При этом основой «альтернативной версии» современных процессов реформирования армии выступают глубинные пласты «истинности информации» – идиоэтнические (принадлежащие данной культуре) компоненты сознания россиян.

Понимание истинного, как известно, зависит от культурных концептуальных систем, основой становления которых является человеческий опыт. Опыт (индивида, общественной формации) кристаллизуется в знаниях и отражается в метафорах, нормах и правилах жизни, стереотипах поведения, социальных мифах. И, чем очевиднее в общесоциальном смысле деструктивные процессы, тем активнее «работают» архаические, мифологические пласты культуры². Но архаика в процессе формирования современного «альтернативного контекста» свидетельствует не столько об активации утопического для замещения действительного, сколько о формировании символического защитного поля российского общества от выбранной им власти.

Общий интерес властных структур – контроль, управление и принуждение к зависимости, демонстрация своего социального присутствия, силы и формальных действий в обратной пропорции от содержательного действия. В этом Россия не отличается от других стран. Но на общий интерес накладываются особенности методов управления российской власти – одновременное господство над производителями и потребителями; эклектичное, противоречивое сочетание насилия и властно-бюрократических аспектов практической деятельности с либерально-буржуазными и социалистическими элементами политической риторики.

Закономерным следствием расхождения «слова и дела» российской власти становится расширение «защитного поля» социума, но не путем реального объединения и концентрации усилий граждан против деструктивной политики, а, наоборот приспособления и выживания по одиночке (так называемая атомизация общества). Как свидетельствуют результаты социологических исследований, чувство ответственности за страну сегодня отмечают 17% россиян. Незначительно или вообще не считают себя ответственными за происходящее в стране более 72% опрошенных. То есть личная ответственность (причастность) к делам государства большинству российских граждан не свойственна. Отличительным признаком «гражданского климата» общества россияне называют разобщенность (74% респондентов), а категорию «согласие», отражающую состояние социальной реальности, в настоящее время отмечают лишь 11% россиян³.

Высокий процент «непричастных» и «разобщенных» ставит под сомнение возможность реализации идеи-догмы российской власти – модернизации страны; важнейшим условием ее осуществления собственнот и являются сплоченность общества идей и личная ответственность за происходящее. Здесь стоит отметить и то, что подмена конструктивного диалога «власть – общество» имитацией обсуждения и симулякрами взаимодействия влияет не только на перспективы будущего, но становится небезопасной для власти уже в настоящем. По данным, доверие россиян к Владимиру Путину и Дмитрию Медведеву летом 2010 г. опустились до минимальных значений за последние несколько лет. Высокий уровень недоверия объясняют рядом прогнозируемых факторов: моральной усталостью общества от руководящего тандема; все более очевидным расхождением декларируемой и осуществляемой социально-экономической практики; нарастанием политического протестного потенциала⁴. «Непредвиденным» обстоятельством стала неспособность вертикали власти предвосхитить и/или оперативно ликвидировать социальную катастрофу, вызванную аномальными природно-климатическими условиями летом 2010 г.

Проблематика пожаров и смога сформировала в российской доменной зоне (Рунет) обширное поле альтернативной информации, контекстуально связанной с понятием «коррупция языка» – замены слов и понятий политическими эвфемизмами, подложностью текстов, используемых российской властью. Означенная технология манипулирования сознанием не является «открытием» информационного общества: вне зависимости от формы правления, существующей в той или иной стране, язык (фигуры речи) был и остается наиболее действенным средством власти по дезориентации, обману, устрашению социума⁵. Специфика современных процессов информационного взаимодействия заключается в том, что системы мультимедиа

¹ Рейтинг публичности власти // Коммерсант. Власть. 2010. №14 (867). 12 апр. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1349356>

² Кириллова Н. Б. Медиакультура: от модерна к постмодерну. 2-е изд.; перераб. и доп. [Текст]. М.: Академический Проект, 2006.

³ Опрос ФОМ. Гражданский климат и «Люди-XXI». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://bd.fom.ru/pdf/d14gk1x10.pdf>

⁴ Вышли из доверия. [Текст] // Ведомости. 2010. . № 147 (2665). 10 авг.

⁵ Кара-Мурза С.Г. Краткий курс манипуляции сознанием. [Текст]. М.: Алгоритм, 2002.

тимедиа дают возможность осуществлять непрерывный активный процесс интерактивного протеста и разоблачения власти путем «демонстрации альтернатив», поддерживая тем самым высокий уровень виртуальной социальной активности.

Ответным действием власти (демонстрацией силы) на интерактивный протест россиян, связанный с ухудшением условий жизни летом 2010 г., стал «перехват инициативы в он лайне»: по распоряжению премьер-министра России В.В.Путина в районах ликвидации последствий социально-экологической катастрофы (местах строительства жилья для погорельцев) были установлены веб-камеры, видеоизображение которых поступало не только на официальные интернет-порталы, освещающие деятельность правительства, но и на персональный компьютер премьер-министра¹. То есть непредотвращенная властью катастрофическая ситуация не стала началом реальных комплексных изменений неэффективной системы управления, а послужила поводом для формирования новой интерактивной мультимедийной системы наблюдения «видеокамера – Интернет – ПК Главы правительства РФ». В то же время управление общественно-значимым событием посредством видеокамеры сформировало очередное проблемное для власти поле альтернативной информации: интерактивное «око государево» как фактически единственный неангажированный источник информации и способ регулирования ситуации участники интерактивной коммуникации сочли свидетельством бессилия власти и отсутствия потенций оперативно реагировать на изменяющиеся условия.

В заключение отметим следующее. Известно, что непрерывные периферийные изменения информационной «среды обитания» и систематическая демонстрация «набора альтернатив» способны привести к изменению системы отношений, а значит предпочтений индивида, группы, общества². Специфика же современного информационного взаимодействия заключается в том, что интерактивные мультимедийные системы способны значительно ускорить процесс глубинной индивидуальной и социальной трансформации. Реализуя принцип интерактивного диалога, системы мультимедиа обеспечивают возможность непрерывного противопоставления демагогии безликих текстов «медиадражителей» альтернативного личностного контекста, который оказывает более сильное эмоциональное воздействие, чем текст. То есть на периферии официального, информационного поля идет непрерывный процесс формирования альтернативного, фактически неподконтрольного информационного пространства, обретающего сегодня тот статус, которым невозможно пренебречь.

Ускоренная трансформация системы отношений сопровождается активным поиском и установлением иных (отличных от официально предустановленных) каналов социализации, формированием новых субкультур, сменой социокультурных ценностей. Вектор этих изменений может существенно отличаться от утверждаемых властью направлений развития. С учетом того, что тексты, артикулируемые президентом России, не имеют устойчивых смысловых коррелятов с социальными установками российских граждан, а альтернативное информационное пространство, подрывающее веру электората в силу премьер-министра РФ, перманентно расширяется, можно ожидать усиления контроля властных структур над медиасредой, которая обеспечивает управление социумом. Новые «тексты» власти в свою очередь станут основой создания периферийного альтернативного контекста, который аккумулирует социальную активность общества и традиционные схемы информационного взаимодействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Активные голосования Эхо Москвы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.echo.msk.ru/polls/archive/250.html>
2. Высокотехнологичные вооружения и социальное обустройство военных – в основе модернизации армии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://blog.kremlin.ru/post/60?page=2>
3. Вышли из доверия. [Текст] // Ведомости. 2010. № 147 (2665). 10 авг.
4. Грамши А. Тюремные тетради. Часть 1. [Текст]. М.: Издательство политической литературы, 1991.
5. Кара-Мурза С.Г. Краткий курс манипуляции сознанием. [Текст]. М.: Алгоритм, 2002.
6. Кириллова Н. Б. Медиакультура: от модерна к постмодерну. 2-е изд.; перераб. и доп. [Текст]. М.: Академический Проект, 2006.
7. Лебон Г. Психология народов и масс. [Текст]. М.: АСТ, 2000.
8. Опрос ФОМ. Гражданский климат и «Люди-XXI». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://bd.fom.ru/pdf/d14gkilx10.pdf>
9. Ослон А. Россия в цифрах. Официальное издание. [Текст]. М.: Росстат, 2006.
10. Путин просит улучшить качество видео со строек домов для погорельцев. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=384743>
11. Расторгуев С.П. Философия информационной войны. [Текст]. М.: Московский психолого-социальный институт, 2003.
12. Рейтинг публичности власти // Коммерсант. Власть. 2010. № 14 (867). 12 апр. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1349356>

¹ Путин просит улучшить качество видео со строек домов для погорельцев. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=384743>

² Грамши А. Тюремные тетради. Часть 1. [Текст]. М.: Издательство политической литературы, 1991.